

3,5/5 (28 голосов)

Творчество

Крохобор

Нелегко в настоящее время жить писателю, ох, нелегко. Сами посудите: их книги не выпускают, а если и выпускают, то экземпляров пятьсот, а если и пятьсот, то гонорары не платят, мало того, что не платят, так еще за свой счет приходится издавать. А какой у писателя счет, если его книжки не выпускают, а если и выпускают, то гонорары не платят, а если не платят, то где тогда денег взять? Говорят, у спонсоров или меценатов. А если писатель в деревне живет – какие там спонсоры и меценаты? Разве что Ашот Саркисович, который магазин открыл при дороге. Так ведь он книг не читает, а если и читает, то все больше по бухгалтерии или по законам – как от налогов увильнуть. Только писатель не бухгалтер и не юрист тем более. Нет в нем Ашоту Саркисовичу особой надобности, разве что только руку пожать для важности – все ж чудной человек писатель, где еще такого так запросто встретишь. Да и перед своими дружками всегда можно похвастать, мол, с писателем лично знаком, а вдруг даже и поэтом, почти Пушкиным. Черт его знает, что он там пишет. Так что поздороваться Ашот Саркисович поздоровается, а денег на книгу не даст, разве что в долг рублей пятьсот на продукты из своего магазина.

Есть еще, правда, поселковый глава администрации, Дзагоев Иван Иванович, человек, по его собственному признанию, честный и уважаемый, к сельчанам всегда со всем почтением. Ну откуда, скажите, у честного человека могут быть деньги на всякие там книгоиздательства? Личных денег у Ивана Ивановича ни копейки, а государственные только на улучшение жизни. Сядет, бывало, с утра Иван Иванович в свой BMW X пятой модели и мотается где-то по делам до самой ночи, ему не до писателей.

Можно, конечно, и в райцентр съездить меценатов поискать. Живет там, говорят, один такой, Самарин Николай Андреевич, в депутатах числится и как будто даже председатель местной партиячейки. Ходят слухи, что щедр и к культуре неравнодушен. Вот недавно школьникам полторы тысячи рублей в театр выделил. Может, его в меценаты?

На худой конец, можно по деревне сбор средств объявить на издательство книги. Но народ вряд ли поймет, не даст. Вот на похороны самого писателя даст, а на книгу – это уж дудки. Блажь какая-то, тут кому-то на портвейн не хватает, кому-то – на сапоги, а этому книгу подавай.

Виктор Семенович в Макеевке учителем работал, а заодно и рассказы пописывал – то ли от скуки, то ли от талантов каких, но что-то у него все же получалось и даже изредка печаталось. Писал же

Виктор Семенович все больше о жизни, о деревне да о своих деревенских жителях. С юмором писал, но так, чтобы не очень обидно. Местные себя в рассказах узнавали и друг над другом подтрунивали, а Виктору Семеновичу руку тянули при встрече и о политике заговаривали.

Однажды Виктор Семенович все же умудрился найти спонсора и издал книгу деревенских рассказов. Ну, не книгу, а так, книжечку, в сотню экземпляров да на сотню страниц, но все-таки. С тех пор за Виктором Семеновичем прочно закрепилось прозвище «писатель».

– Глянь, писатель в магазин пошел, опять, видать, за тетрадками, – качали головой бабы, сидя на завалинке. – Это ж сколько денег на них тратит, сердечный! И как только Танюха, жена его, эти траты терпит.

– Вон Достоевский из магазина возвращается, – хмыкнула как-то местная фельдшерица Клавка, обращаясь к своей подруге Верке. – Смотри, как важно ходит, будто «Войну и мир» написал, не меньше, а у самого-то книжонка еле-еле, никакой представительности, скукота одна. Лучше бы как Донцова или про Марианну. Но не тянет он до них, ума, видать, не хватает. И как ему только Олег Евгенич денег-то на книгу дал, говорят, аж цельных десять тысяч отвалил, ужас какой.

– Ой, Клав, не скажи, – махнула рукой Верка, – может, Семеныч и не Достоевский, зато наш, макеевский, и один такой. Да и Таньке евоной лучше. По мне, так пусть лучше книжки сочиняет, чем как мой Митяй с бутылкой обнимается.

– Чего ж ты, Серега, у писателя часть гонорара не востребовал? – посмеивались собутыльники над местным забуддыгой, особенно узнаваемым в рассказах Виктора Семеновича. – Счас бы жил припеваючи, нос в табаке.

– Спрашивал, – огрызался Серега. – Говорит, книжка не продавалась, всего-то сто штук, все, мол, по знакомым роздал.

– А ты и поверил, лопух. Развёл тебя писатель, ему ж Олегу Евгеничу долг возвращать.

– Так он же спонсор!

– Ну так что ж, что спонсор, не бесплатный же.

– Бросай сигареты, Виктор Семенович идет, – шухерили школьники, завидев вдалеке сутулую фигуру учителя.

Так что получается – в деревне к Виктору Семеновичу было очень даже достойное и уважительное отношение, вот только до той поры, пока не случилось следующее.

Однажды Виктора Семеновича, следовавшего в магазин за очередной пачкой бумаги, окликнул Серега.

– Семеныч, постой, дело есть, – нетвердой походкой подошел к писателю герой его рассказов.

– Серега, денег нету, только на бумагу жена выдала, – решил упредить досужие просьбы Виктор Семенович.

– Да не, – отмахнулся Серега, – сегодня не требуется, мне уже Санек Ковалев подкинул на опохмел. У меня тут другое, важное...

- Ну чего? Говори, только не долго, я тороплюсь.
- Да вот, Ванюшкин жалуется, что не заходишь к нему совсем, забыл старика.
- А с чего бы заходить?
- Ну как с чего? Пили ж когда-то вместе, да и так, по-соседски.
- Я ж бросил давно, а по соседству вроде как каждый раз здороваюсь.
- Ну, здороваться одно, а зайти да душевно посидеть – это совсем другое, – закатил глаза кверху Серега, многозначительно подняв указательный палец.
- Да ладно, Сергей, не тяни резину и говори по существу, чего надо? – развернулся в сторону магазина Виктор Семенович.
- А я и так по существу, – засеменил следом Серега. – Мы вот тут с дядей Колей поговорили за портвейшком и решили, что нужно тебе об его жисти написать.
- Чего написать?
- Ну, не знаю чего, роман какой или там воспоминания на худой край. Тебе виднее.
- Чего это мне виднее? – раздраженно остановился Виктор Семенович. – Какие воспоминания, какие романы, о чем вопрос?
- Ну, я ж тебе толкую об чем, – перешел на громкий голос и Серега. – Об дяде Коле Ванюшкине, об евоной жисти.
- А что такого в его жизни, чтоб я об этом писал?
- Ну как что? Да все! – аж задохнулся от возмущения Серега. – Дядя Коля, ведь это о-го-го, это у-у-у! Это такой человечище, такая громадина! Это... это... Да чего тут! Ну, сам знаешь. Напишешь?.. Не напишешь! – с угрозой подступил к Виктору Семеновичу Серега.
- Да что я должен написать? Пусть расскажет сначала о себе что-нибудь, а там посмотрим, – с опаской отошел от Сереги писатель.
- Ну, давно бы так, – беззубо заулыбался Серега. – А то чего писать, чего писать! С этого и надо было подходить.
- К чему? – удивился Виктор Семенович.
- Как к чему? К существенности, глубине масштаба, – поднял палец местный пьянчужка.
- Какой еще глубине масштаба?
- Слушай, Семеныч, ты вроде как умный мужик, учителем в школе числишься, а простых вещей не понимаешь. Стрелку тебе дядя Коля сегодня на двадцать ноль-ноль забил в евоной баньке, там все и перетрете. Так что приходи, не запаздывай, милости просим.
- А почему в баньке-то?

– А где ж еще? – удивился Серега. – Мы там завсегда собираемся, подальше от дяди Колиной тетки Натахи, чтоб не орала на всю деревню.

Вечером Виктор Семенович накинул на себя плащ и с порога предупредил жену:

– Я к соседу на часок. Звал, что-то рассказать хочет.

Виктор Семенович вышел за калитку и через два дома свернул в покосившиеся ворота. Не заходя в скособоченную избу, он за огородом направился в сторону сада и уткнулся в старую, вросшую в землю баньку дяди Коли. Постучавшись три раза, отворил дверь и, нагнувшись, чтобы не удариться о притолоку, шагнул внутрь.

В предбаннике при свете закопченной сорокаваттки на лавках за старым, отслужившим свое кухонным столом сидели три мужика: дядя Коля Ванюшкин, Серега и Илюха Кирюхин – еще один сосед по улице, кочегар деревенского магазина.

– Ну, здрасьте всей честной кампании, – пожал руки мужикам Виктор Семенович и присел на лавку. – Тут вот меня Серега зазвал к тебе, Николай Фомич, будто бы рассказать чего-то хочешь.

– Хочу, Витя, хочу, давно хочу, – тяжело вздохнул дядя Коля. – И про жизнь свою хочу тебе поведать, и про другое всякое. А то как помру, кто ж тогда тебе все обскажет? И про колхоз нашеньский, и про то, как жили, как строили все, и про надои, и про центнеры, про будни то ж, про праздники. Много чего. Тут не один роман напишешь, может, целый сериал, потом спасибо скажешь.

– Так уж и роман? – улыбнулся Виктор Семенович.

– А ты не скалься, не скалься, – перебил его Ванюшкин. – У меня историй не на одну книгу наберется. Такого повидал, чего Шолохову с тихим Доном и не снилось.

«Вот сам и писал бы, – подумал Виктор Семенович, пряча улыбку и собираясь выслушивать долгую историю. – Черт меня дернул прийти сюда».

Минуты две в помещении висела тишина, которую нарушил Ванюшкин.

– Вить, ну чего сидишь, доставай уже.

– Что доставать? – непонимающе обвел всех взглядом Виктор Семенович. – Ручку, что ли?

– Какую ручку? – аж подскочил Серега. – Проставу, конечно.

– Какую проставу?

– Как какую? – захлопал глазами Серега. – Обыкновенную, за истории.

– Не понял, – прислонился к стене предбанника Виктор Семенович.

– А что тут не понять? – встрял в перепалку дядя Коля. – Ты пришел сюда, чтоб слушать мои истории про жисть, так? Каждая история – бутылка. Я ж не лох какой, как Серега, чтоб за бесплатно рассказывать.

– Чего это я лох? – набычился Серега.

– А чего, нет, скажешь? – ударил кулаком по столу дядя Коля, да так, что один стакан, подпрыгнув, упал на пол. – Он про тебя написал в своей книжке? Написал. А гонорар тебе заплатил? Вот, то-то. Так что сиди и молчи лучше в тряпочку.

– Какой гонорар? – у Виктора Семеновича даже челюсть отвисла.

– Обыкновенный, какой, – зло ответил дядя Коля. – Я так понимаю, ты без проставы сегодня. Значит, вечер впустую. Не уважаешь ты меня, старика, Витюша. Ну, вот что, милоч, завтра в это же время будем тебя ждать здесь же, так ты уж нас больше не подводи, а то по договору я с тебя неустойку востребую.

– Какую неустойку? – обалдело уставился на дядю Колю Виктор Семенович.

– По договору о гонораре.

– О каком гонораре и о каком договоре?!

– Ты что, Витюша, совсем тупой на голову или прикидываешься? А еще учителем называешься. Нехорошо, Витя, ой нехорошо. Не по-людски это, не по-соседски. Договор о моей доле подпишем при свидетелях, вот при них, – кивнул на Серегу с Илюхой дядя Коля.

– Да объясните мне, наконец, в чем дело.

– А что тут объяснять-то? Ты, Витя, по моим историям напишешь роман, и по договору, как полагается, я получу шестьдесят процентов гонорара, потому как я тебе все обскажу, а твое дело только записать. Справедливо, мужики?

– Точняк, дядя Коля, точнее некуда, – закивали Серега с Илюхой.

– Ну, вот и я говорю, – продолжил Ванюшкин, – часть денег отдашь завтра вместе с проставой, часть – в конце истории, ну и остаток – как книга выйдет.

– И сколько завтра? – усмехнулся Виктор Семенович.

– Я тут все подсчитал, – надел очки дядя Коля и положил на стол тетрадный листок, исписанный цифрами. – По мне так получается, что пять тысяч. И это, согласись, по-божески, мог бы и больше затребовать. Но мы ж как-никак соседи. Да и вот еще, Сереге неустойку заплатить надобно, рублей так семьсот.

– Вы это серьезно, мужики?

– Да какие тут шутки.

– А шли бы вы знаете куда? – поднялся из-за стола Виктор Семенович.

– Так ты что, отказываешься платить? – опешил дядя Коля.

– Отказываюсь, – открыл входные двери Виктор Семенович.

– Ну и крохобор ты, Витек, – обиженно закачал головой дядя Коля, – ну и крохобор! Не ожидал я от тебя, ох, не ожидал! С виду интеллигентом прикидывался, а внутри-то мироед мироедом.

– Не, не крохобор он, – облокотился на стол Серега. – Скупердяй он, вот кто!

– Да-а, пожалуй, ты прав, – прикурил папироску дядя Коля. – Последний он скупердяй, каких свет не видывал...

Дальнейшего Виктор Семенович уже не слышал, выйдя за порог бани. А на следующий день бабы на завалинке провожали его осуждающими взглядами.

– Гля, гля, крохобор-то опять в магазин за бумагой пошел, небось на дядю Колю доносы писать или судиться. Совести у человека совсем ни на грош, и гонорар не заплатил, и еще денег с дяди Коли содрать норовит. Как с таким крохобором токмо Танюха живет. Бьет он ее, поди, сердешную.

– А что я тебе, Верка, говорила, а? – брезгливо морщилась фельдшерица Клавка, обращаясь к подруге. – Не жди от этого писаки добра. Так-то оно и вышло. Все инстанции кляузами забросал, да и скупердяй такой, что свет не видывал. А ты его защищать. Деньги-то дяде Коле не выплатил, как по договору между ними прописано было. А истории дяди Колины за свои выдал и книгу выпустил. Мошенник он, навроде Мавроди, а не писатель.

– Ой, твоя правда, Клава, – виновато соглашалась Верка. – Дура я, дура, что в упор такого скупердяя не замечала. В век наука.

– Да-а, Серега, – сочувственно обнимали дружка собутыльники. – Кто ж знал, что на такого крохобора нарвешься. Он, вон, дядю Колю не пожалел, совсем, совсем без средств оставил. А еще писателем называется.

– Гад он и сволочь, – ненавидяще сжимал кулаки Серега. – Олигарх последний, морду ему набить мало.

– Ничего, Серега, жизнь его еще накажет.

И только ученики, завидев вдалеке Виктора Семеновича, как и раньше с опаской шухерили:

– Бросай сигареты, учитель идет.